

СКЕПТИЦИЗМ, ПРЯМОЕ РЕШЕНИЕ И ЯЗЫКОВЫЕ КАРКАСЫ*

**Суровцев Валерий
Александрович** –

доктор философских наук,
профессор, ведущий
научный сотрудник.
Томский научный центр
Сибирского отделения
Российской академии наук.
Российская Федерация,
634055, г. Томск,
пр. Академический, д. 10/4.
Заведующий кафедрой
истории философии
и логики.
Томский государственный
университет.
Российская Федерация,
634050, г. Томск,
пр. Ленина, д. 25;
e-mail: surovtsev1964@mail.ru

В статье рассматривается предложенное Е.В. Борисовым прямое решение скептической проблемы С. Крипке относительно стабильности языкового значения. Анализируется различие между двумя видами интроспекции, связанными со знанием языкового значения. Рассматривается умеренное решение скептической проблемы как основание прямого решения. Предлагается для уточнения прямого решения использовать концепцию языковых каркасов Р. Карнапа.

Ключевые слова: языковое значение, скептическая проблема, умеренное и прямое решение, языковые каркасы, С. Крипке, Р. Карнап

SKEPTICISM, STRAIGHT SOLUTION AND LINGUISTIC FRAMEWORKS

Valeriy A. Surovtsev –
DSc in Philosophy, Professor,
Leading Research Fellow.
Tomsk Scientific Center
of the Siberian Branch
of the Russian Academy
of Science.
10/4 Akademicheskoy Av.,
Tomsk 634055,
Russian Federation.
Chief of the Department
of History of Philosophy
and Logic.
Tomsk State University.
25 Lenin Av., Tomsk 634050,
Russian Federation;
e-mail: surovtsev1964@mail.ru

The article considers the straight solution of S. Kripke's skeptical problem concerning the stability of linguistic meaning proposed by E.V. Borisov's. The distinction between two kinds of introspection related to the knowledge of linguistic meaning is analyzed. The moderate solution of the skeptical problem as a basis for the straight solution is explored. It is suggested that R. Carnap's conception of linguistic frameworks can be useful for the solution of skeptical problem.

Keywords: linguistic meaning, skeptical problem, moderate and straight solution, linguistic frameworks, S. Kripke, R. Carnap

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00019, <https://rscf.ru/project/23-18-00019/>

В своей статье «Прямое решение проблемы Крипке» [Борисов, 2024] Е.В. Борисов проводит два важных различия, на которых основано предлагаемое им прямое решение скептической проблемы С. Крипке. Первое из них восходит к самому С. Крипке [Крипке, 2010] и связано с различием двух форм скептицизма. Используя известный пример С. Крипке с затруднениями, касающимися определения значений выражений «плюс» и «квус» посредством апелляции к прошлому опыту применения операции сложения и невозможности отличить ее от искусственно сконструированной операции квожения, Е.В. Борисов формулирует тезис ограниченного скептицизма: «Фактов речевого поведения агента в прошлом недостаточно для выявления значения, которым агент наделял в прошлом слово “сложение”» [Борисов, 2014, с. 25].

Сама по себе эта форма скептицизма считается Борисовым неинтересной и представляет собой частный случай тезиса о недоопределенности любой эмпирической теории посредством фактов и невозможности однозначно установить значения терминов, с помощью которых эти теории формулируются. Можно сказать, что аргументация С. Крипке продолжает здесь целый ряд рассуждений, касающихся неполной определенности терминов (например, в случае руководства стимульными значениями при переводе с туземного языка слова «гавагай» [Куайн, 2000], при коллизии с термином «зелубой» при попытке индуктивного определения цвета изумрудов [Гудмен, 2001] или ориентации на химический состав вещества при определении термина «вода» на двойнике Земли [Патнэм, 1999]). Добавим только, что скептический аргумент С. Крипке, использующий пример с «плюс» и «квус», в этом ряду казался наиболее радикальным, поскольку не просто указывал на недоопределенность значений языковых выражений, но и, с апелляцией к Л. Витгенштейну, на невозможность задания каких-либо достоверных правил, кроме санкционированных точкой зрения сообщества, позволяющих это значение стабилизировать [Суровцев, Ладов, 2008].

Более интересной Е.В. Борисов считает форму тотального скептицизма, к которой приводят рассуждения С. Крипке, если их продолжить без ограничений. Действительно, даже если однозначно определить, что понимается под сложением в заданном контексте, всегда остаются вопросы определения других терминов. Кроме того, остаются определения терминов, с помощью которых определены эти последние термины и т.д. до бесконечности. Отсюда вытекает тезис тотального скептицизма: «Для любого агента, любого выражения и любого речевого акта не существует фактов, которые позволяли бы однозначно установить значение, которым данный агент наделяет данное выражение в данном речевом акте» [Борисов, 2024, с. 26]. По мнению Е.В. Борисова, интерес к этой форме скептицизма вызван его фатальным воздействием на возможность языковой практики как таковой, а не только в случае применения отдельных терминов:

«Тотальный скептицизм имеет катастрофическое следствие. Мы – агенты речи – никогда не можем быть уверены относительно значений, которыми мы наделяем свои слова. Это значит, что мы не можем с уверенностью интерпретировать речь других, собственную речь в прошлом и даже собственную речь в настоящем... Таким образом, тотальный скептицизм ставит под вопрос само существование речи» [Борисов, 2024, с. 26].

К счастью, эти катастрофические следствия не оказываются столь уж фатальными как для самой речи, так и для речевого поведения в целом. На это, в частности, указывал В.А. Ладов, предлагая свое решение скептической проблемы, которое он называет «умеренным». Это решение связано с тем, что последовательно и радикально проведенный скептицизм относительно значений языковых выражений сам же и подрывает свои основания. Позиция скептика предполагает речевой акт, в котором она выражена. Но к самому этому речевому акту применимы все те же скептические аргументы относительно используемых при этом терминов. Стало быть, сомнению может быть подвергнута и сама позиция скептика. Как пишет В.А. Ладов: «Наиболее фундаментальное возражение по отношению к скептицизму состояло в том, что подобная позиция не может быть выражена в форме теории вообще... Теория, в которой утверждается, что стабильность и определенность значений языковых выражений является иллюзией, порождаемой практиками употребления, сама иллюзорна, ибо термины, с помощью которых данная теория сформулирована, не имеют определенных значений» [Ладов, 2023, с. 316]. Невозможность тотального скептицизма дает, как он говорит, не прямое и не скептическое, основанное на точке зрения сообщества, но «умеренное» решение скептического парадокса. Умеренное решение В.А. Ладова – это, по сути дела, реализация тезиса о самоопровержимости радикального скептицизма, поскольку, будучи последовательным, он требует сомнения и в себе самом: «Умеренное решение не способно дать окончательный прямой ответ скептику, в котором бы утверждалась возможность ясной фиксации значений каких бы то ни было выражений языка. Тем не менее данное решение позволяет категорично заявить о несостоятельности скептической позиции. Эта несостоятельность демонстрируется не посредством прямого ответа, показывающего ошибочность скептического рассуждения, а, скорее, посредством указания на абсурдность тех следствий, которые должен принять тот, кто разделяет позицию скептика. Скептическое рассуждение изживает само себя» [Там же, с. 315].

В вопросе о невозможности тотального скептицизма относительно языкового значения Е.В. Борисов по существу согласен с В.А. Ладовым: «Тотальный скептицизм ставит под вопрос само существование речи. Однако высказывания скептика на страницах работы Крипке представляют собой речевой акт, что порождает перформативное

противоречие... Указание на это противоречие составляет суть предложенного Ладовым умеренного решения проблемы» [Борисов, 2024, с. 26]. Таким образом, вопреки мнению, высказанному Е.В. Борисовым ранее относительно неинтересности ограниченного скептицизма в пользу тотального скептицизма, последний в силу содержащегося в нем перформативного противоречия оказывается не просто менее интересным, он вообще неинтересен, поскольку приходит к собственному отрицанию. Но поскольку тотальный скептицизм невозможен в силу заключенного в его основании перформативного противоречия, постольку умеренное решение скептического парадокса можно попытаться дополнить прямым решением в рамках ограниченного скептицизма. Причем, что важно отметить, из вышеизложенного, по-видимому, следует, что такое решение будет уже не ограниченным, но полным, поскольку тотальный скептицизм вообще устранен «умеренным» решением, что, собственно, и делает ограниченный скептицизм, вопреки мнению Е.В. Борисова, единственно интересной формой скептицизма. Этим он и занимается, в некотором отношении собственными действиями демонстрируя пример перформативного противоречия относительно интересности неинтересного и неинтересности интересного.

Преодоление любого скептицизма, как правило, ведет к поиску «самого достоверного из всех начал» по типу *cogito* Декарта. А то, что такое начало есть в том числе и в решении скептической проблемы относительно значений языковых выражений, сомнений уже не вызывает, ведь «процесс расширения скепсиса ведет к тотальному скептицизму, который... не допускает внятного выражения, а значит, должен где-то остановиться. Но это значит, что на каком-то этапе дискуссии мы принимаем значения как данность, не сводимую к интерпретации речевого поведения» [Там же, с. 31]. То, что это так и есть на самом деле, обосновывается у Е.В. Борисова двумя моментами: «Речевой акт отличается от производства звуков или букв тем, что агент 1) наделяет свои слова значениями, 2) достоверно знает, какими значениями он наделяет свои слова» [Там же, с. 27]. Это знание значений не является результатом интерпретации речевого поведения, ибо в этом случае оно было бы интерпретацией фактов, но в силу недоопределенности последних его всегда можно было бы подвергнуть сомнению. Это знание должно быть знанием совершенно иного рода.

Вот здесь принципиальную важность получает второе различение, вводимое Е.В. Борисовым. Он считает, что знание значений выражений, используемых в речевом поведении, может быть доступно двумя способами. Во-первых, это знание значений, которое мы пытаемся получить *post factum*, рассматривая речевое поведение свое или других, и, во-вторых, то знание, которое сопровождает речевое поведение и изначально присутствует в каждом речевом акте. Оба знания можно рассматривать как результат интроспекции, но в двух этих

случаях интроспекция носит абсолютно разный характер и необходимо различать «интроспекцию₁» и «интроспекцию₂». Разница здесь заключается в следующем: «Интроспекция₁ – это источник эмпирических данных о собственном сознании; интроспекция₂ – это знание о значениях как составная часть речевого акта» [Борисов, 2024, с. 28]. Знание, полученное посредством интроспекции₁, имеет эмпирический характер и поэтому не имеет достоверного характера. Оно всегда может быть подвержено сомнению скептика, апелляция к ней не имеет никакой важности для возможного прямого решения проблемы относительно стабильности языкового значения. Но вот интроспекция₂ находится вне компетенции крипкевского скептика, поскольку она непосредственно входит в содержание речевого акта, без нее такой акт просто невозможен. Таким образом, «допущение непосредственного и достоверного знания агентом значений, которыми он наделяет собственные слова, соответствует интуитивному пониманию речи и устойчиво к скептической аргументации. Поэтому, это допущение представляет собой прямое решение скептической проблемы» [Там же]. А в целом «в сочетании с ограниченным скептицизмом этот результат показывает, что достоверное знание значений является не результатом интерпретации речевого поведения агента, а составной частью речевого акта. В этом состоит прямое решение проблемы скептицизма относительно значения» [Там же, с. 31].

Оставим в стороне спорный вопрос о том, соответствует ли такое допущение «интуитивному пониманию» того, что такое речь, поскольку ответ на него вновь возвратит нас к исходному скепсису. Обратимся к самому допущению. Главный вопрос здесь заключается в том, как понимать интроспекцию₂. Можно ли относительно нее выказывать какие-то сомнения, задавать вопросы, что-то утверждать? Или эта своеобразная интроспекция находится за рамками применения способности суждения относительно языковых значений, но как раз, наоборот, лежит в основании любого, в том числе скептического, речевого поведения? Если это так, то интроспекция₂ будет чем-то аналогична первоначальной или трансцендентальной апперцепции в смысле И. Канта, той апперцепции, которая изначально сопровождает любой познавательный акт. В этом случае интроспекцию₂ следует понимать как некоторую модификацию «я мыслю», т.е. того акта, который уже присутствует в любом мыслительном акте с любым мыслимым содержанием и отличается от интроспекции, в которой дан сам этот мыслительный акт.

Если это так, то интроспекция₂ изначально (или, если угодно, трансцендентально) сопровождает любой акт речевого поведения, подобно тому, как первоначальная апперцепция сопровождает любой мыслительный акт. Заметим, что, толкуя таким образом интроспекцию₂, мы не претендуем на точную экспликацию того, что имеет

в виду Е.В. Борисов, возможно, подразумевается что-то другое. Однако если принимается такое толкование, то в этом случае интроспекция₂ в форме «я знаю значение выражения x » изначально сопровождает любое речевое поведение, в котором употребляется это выражение, и определяет конститутивные особенности данного поведения. Эти конститутивные особенности могут быть выявлены и зафиксированы *post factum*. Возьмем, например, случай со значением выражения «плюс». Когда высказываются утверждения относительно результатов операции сложения, затрагивающие элементы натурального ряда чисел, например « $68+57=125$ », в самом этом утверждении уже заложено знание значения оператора, т.е. того, что подразумевается под “+”. Собственно утверждение « $68+57=125$ » является эллиптическим и в своем полном выражении должно выглядеть вроде: «Я знаю значение “+” и $68+57=125$ ». Именно первый элемент конъюнкции обеспечивает истинностное значение второго. В языковом отношении можно также сказать, что первый элемент конъюнкции имеет метаязыковой характер, тогда как второй относится к языку-объекту. Но это не мешает существу дела, так как отражает ситуацию с интроспекцией₂. Скептический парадокс возникает тогда, когда используется интроспекция₁, но при этом игнорируется первый элемент конъюнкции, что и приводит к недоумению.

Видимо, к такому недоумению пришли Г. Бейкер и П. Хакер, когда впервые познакомились со скептической аргументацией С. Крипке [Бейкер, Хакер, 2008]. С их точки зрения проблема, поставленная Крипке, вообще не релевантна существу дела. Скептический парадокс касается правил применения языкового выражения, но он имеет смысл только тогда, когда сами эти правила понимаются как нечто внешнее по отношению к речевому поведению и требующее дополнительной санкции на их использование, например, со стороны языкового сообщества, что представляет собой крипкевское скептическое решение. Но с правилами все обстоит совершенно не так, «скептическое решение – это абсурдный ответ на непоследовательный вопрос» [Там же, с. 9]. Правила не существуют до и помимо речевой деятельности. В самом речевом акте реализуются правила применения языкового выражения, которые могут быть потом эксплицированы в явном виде. Мы вначале используем языковое выражение, и только это дает нам право *post factum* эксплицировать правила, реализованные в речевом акте, но не дает нам права спрашивать о том, соответствует ли языковое употребление тем правилам, которые, как мы можем предполагать, должны были быть реализованы в речевом акте. Именно такой способ действия, видимо, предлагает в своей статье Е.В. Борисов, когда после применения операции сложения указывает на правила построения натурального ряда, которые были реализованы в этом применении [Борисов, 2024, с. 29–30].

Представляется, что здесь могла бы, в определенной модификации, сыграть роль теория языковых каркасов Р. Карнапа [Карнап, 1959]. Языковой каркас задается первоначальной совокупностью допустимых к употреблению терминов и может пополняться в той степени, в которой мы стремимся к описанию окружающего нас мира. Каркас подвижен в пределах, которые принимаются для того, чтобы установить истинность утверждений относительно объектов, считающихся существующими. В рамках языкового каркаса стабильность языкового значения определяет совокупность принятых без сомнения высказываний, которые должны служить практическому освоению мира: «Все мы приняли вещный язык еще в детском возрасте как нечто само собой разумеющееся. Тем не менее мы можем считать это вопросом выбора в следующем смысле: мы свободны выбирать, продолжать ли нам пользоваться вещным языком или нет» [Там же, с. 301]. Языковой каркас изначально определяет смысл тех выражений, которые мы используем, даже не сомневаясь в том, существует ли нечто такое, что должно рассматриваться как наполнение окружающего нас мира. Язык, который Р. Карнап называет вещным, есть среда речевого поведения, в которой мы обнаруживаем себя. Расширяя эту среду, мы дополняем вещный язык новыми терминами, не задаваясь вопросом о том, является ли их значение стабильным и определено ли оно каким-либо правилом. Если все же такой вопрос задается, он является внешним вопросом и выходит за рамки обычного речевого поведения. Спросить о том, получим ли мы как результат 125 при сложении 57 и 68, – это внутренний вопрос. И он имеет однозначное решение. Вопрос о том, что я подразумеваю под сложением, когда осуществлял данную операцию, вопрос внешний и не касается существа дела, поскольку не доставит мне нужного решения. На вопросы подобного рода нет и не может быть вразумительного ответа, напротив, «если кто-либо решает принять вещный язык, то нечего возразить против утверждения, что он принял мир вещей... Принять мир вещей значит лишь принять определенную форму языка, другими словами, принять образования предложений и проверки, принятия или опровержения их» [Там же, с. 302].

Что первая, что вторая форма скептицизма стремятся задать внешний вопрос в смысле Р. Карнапа. Скептицизм вообще не релевантен языковым каркасам, поскольку всегда задает только внешние вопросы. По сути дела, он не затрагивает того, что творится внутри каркаса. Сколько бы мы ни задавали вопросов относительно того, что подразумевается под «+» и сложением, математики продолжают складывать. Здесь можно привести случай с ограничительными теоремами К. Гёделя. Многие математики о них даже и не слышали, поскольку результат этих теорем совсем не затрагивает того, чем математики занимаются в рамках своего языкового каркаса. Но тогда нет

никакой скептической проблемы относительно значения. Скептический вопрос можно задать, но он бессмыслен и потому является сугубо философским.

Прямое решение *a la* Е.В. Борисов все равно оставляет открытым один вопрос. Это проблема индивидуального языка, которая также возникает в контексте скептического парадокса С. Крипке. Скептическое решение, по крайней мере, имеет важное позитивное следствие, поскольку оно вводит точку зрения сообщества, тем самым объясняя социальный характер речевой деятельности. Интроспекция₂ у Е.В. Борисова, даже если предположить, что она дает прямое решение, не объясняет, почему для овладения языковым значением важен публичный критерий, в отсутствие которого мы получаем стабильное значение только в рамках индивидуального языка. Проблема интерсубъективной природы значения все еще остается.

Список литературы

Бейкер, Хакер, 2008 – *Бейкер Г., Хакер П.* Скептицизм, правила и язык. М.: Канон+, 2010.

Борисов, 2024 – *Борисов Е.В.* Прямое решение проблемы Крипке // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61. № 2. С. 23–32.

Гудмен, 2001 – *Гудмен Н.* Факт, фантазия и предсказание. Способы создания миров. М.: Праксис, 2001.

Карнап, 1959 – *Карнап Р.* Эмпиризм, семантика и онтология // *Карнап Р.* Значение и необходимость. М.: Иностранная литература, 1959. С. 298–320.

Крипке, 2010 – *Крипке С.* Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. М.: Канон+, 2010.

Куайн, 2000 – *Куайн У.* Слово и объект. М.: Праксис, 2000.

Ладов, 2023 – *Ладов В.А.* Иллюзия значения. Проблема следования правилу в аналитической философии. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2023.

Патнэм, 1999 – *Патнэм Х.* Значение «Значения» // *Патнэм Х.* Философия сознания. М.: ДИК, 1999. С. 164–234.

Суровцев, Ладов, 2008 – *Суровцев В.А., Ладов В.А.* Витгенштейн и Крипке: следование правилу, скептический аргумент и точка зрения сообщества. Томск: ТГУ, 2008.

References

Baker, G., Hacker, P. *Skepticism, pravila i yazyk* [Skepticism, Rules and Language], trans. by V.A. Ladov and V.A. Surovtsev. Moscow: Kanon+, 2010. (Trans. into Russian)

Borisov, E.V. “Pryamoe reshenie problemy Kripke” [A Straight Solution to Kripke’s problem], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2024, vol. 61, no. 1, pp. 23–32. (In Russian)

Goodman, 2001 – Goodman, N. *Fakt, fantaziya i predskazanie. Sposoby sozdaniya mirov* [Fact, Fiction, and Forecast. Ways of Worldmarking], trans. by T.A. Dmitriev. Moscow: Praksis, 2001. (Trans. into Russian)

Carnap, R. “Empirizm, semantika i ontologiya” [Empiricism, Semantics, and Ontology], in Karnap R. *Znachenie i neobhodimost’* [Meaning and Necessity], trans. by N.V. Vorobev. Moscow: Inostrannaya literatura, 1959, pp. 298–320. (Trans. into Russian)

Kripke, S. *Vitgenshtein o pravilakh i individual’nom jazyke* [Wittgenstein on Rules and Private Language], trans. by V.A. Ladov and V.A. Surovtsev. Moscow: Kanon+, 2010, pp. 206–254. (Trans. into Russian)

Ladov, V.A. *Illyuziya znacheniya. Problema sledovaniya pravilu v analiticheskoy filosofii* [Illusion of Meaning. The Problem of Rule Following in Analytical Philosophy]. Moscow: Kanon+ ROOI “Reabilitaciya”, 2023. (In Russian)

Putnam, H. “Znachenie ‘Znacheniya’” [Meaning of “Meaning”], in: Putnam, H. *Filosofiya soznaniya* [Philosophy of Mind], trans. by L.B. Makeeva, O.A. Nazarova, Moscow: DIK, 1999, pp. 164–234. (Trans. into Russian)

Quine, W.V.O. *Slovo i ob’ekt* [Word and Object], trans. by A.Z. Chernyak. Moscow: Praksis, 2000. (Trans. into Russian)

Surovtsev, V.A., Ladov, V.A. *Vitgenshtejn i Kripke: sledovanie pravilu, skepticheskij argument i tochka zreniya soobschestva* [Wittgenstein, Kripke, and Community Point of View]. Tomsk: TGU, 2008. (In Russian)